

Пол Сэлфинг

Эскизы
любви

12+

Пол Сэлфинг

Эскизы любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55308401

SelfPub; 2020

Аннотация

Кажется, автор хотел понравиться всем. И надо признать, это ему удалось. Каждая новелла – это диалог с кем-то или с самим собой. И остается только представить себе, кто есть кто, и нарисовать свой собственный портрет собеседников или стать одним из них. Автор обращается ко всем и к каждому с «требованием веры и просьбой о любви». (М.Цветаева)

Содержание

Пожар	5
Чужие	10
Шорох	14
Выход ...	17
Бывает	19
Вина	23
Встреча	29
И так тоже можно ...	32
Почему	36
Возможно все хорошо	42
Индия навсегда	46
Июньский голубой простор...	55
Что-то не так	59
И вот уже...	63
Нулевая вероятность	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Роман с любовью

«Лето»

Ошибаюсь ли я, считая, что все мое существенное в моем знании?

Пожар

– Тебе было хорошо?

– Да... А тебе?

– Пожалуй.

– И все же что-то не так?

– Ну почему же?

– Я чувствую... почти всегда чувствую, что тебе что-то не так. Вот только не знаю что. Хочу помочь тебе и не получается.

– Не думай. Все хорошо. Правда.

– Правда.

– А было когда-то лучше?

– Наверное... но это было совсем другое. И в другое время. И о другом.

– Расскажи.

– Давая я лучше расскажу тебе сказку.

– Нет сказку не надо. Они всегда плохо заканчиваются.

– Разве?

– Да-да. Это только кажется, что у сказок всегда хорошее окончание. Просто никто не хочет подумать, что будет потом.

– А что будет потом?

– А потом всегда бывает хуже чем было.

– Ну я расскажу тебе сказку «без потом».

– Как это?

– Вот так бывает. Редко, но бывает.

...

В жизни каждого бывают особые дни. Это дни печали или радости, дни событий, происшествий, дни ожидаемые и как бы случайные. Почти все они запоминаются чем-то необычным, выбивающим нас из привычного течения, пусть и повседневно-бурного, существования. И все же среди этих дней есть один, который как бы повторяется каждый год, и потому в нем вроде бы нет ничего исключительного. Но в нем есть одно – он только твой день. И ничей, кроме тебя.

Такой день был и у маленького мальчика. Он жил в лесу, в крошечном домике. И все у него было хорошо. Казалось бы, что особенного. Ничего. Ведь так у всех. Он жил и был уверен в этом. Может быть особенным в этом мальчике было только его странное и неизбывное желание зацепиться за каждый день, сохранить его таким, каким он был и оставить рядом с собой все самое светлое и радостное, теплое, солнечное, пронизанное лучами света ощущение того, что так будет всегда.

Но, однажды, мама мальчика совершила страшную «ошибку». Она повела его покупать ботинки. И тогда среди множества ног, спин, находясь где-то там внизу и крепко держась за руку, он совершенно неожиданного для себя увидел то, что сразу стало его мечтой – огромную, чуть не во

весь его рост, красную машину. Это была пожарная машина.

Нет. Он не хотел стать пожарным. Но тогда, в старых замоскворецких переулках, в районе Пятницкой, где и обычные машины были редкостью, он однажды увидел красного гиганта, который под рев сирены рвался куда-то. Зрелище было волшебное, жуткое и прекрасное. Что-то сказочное и нереальное было в этой машине. И вот тут почти та же машина, машина, которая может стать твоей. Навсегда. И только твоей. Но... Почему-то ботинки были нужнее, и они сразу стали самыми нелюбимыми ботинками в его жизни. Зато осталась мечта. Как тогда казалось мечта всей жизни.

Впрочем, зачем четырехлетнему мальчику нужны родители? Ну, конечно! Для исполнения мечты. Он ждал и надеялся. Наступит тот день, когда мечта сбудется. Но дни шли за днями и ничего не происходило.

Летом его увезли на дачу, где он жил в своей комнате, с окном выходявшем на юг и потому первые лучи солнца врывались в комнату и светлым пятном освещали квадрат пола. И еще. Окно было так низко расположено, что даже он мог открыв, его перешагнуть прямо в сад. И точно так же возвращаться назад. Это было по-настоящему здорово, таинственно и свободно. Можно было уходить и приходить, когда захочешь, минуя спальню родителей и комнату бабушки, которая, как казалось, никогда не ложилась спать. Вечером она укладывала его спать, а утром будила к готовому завтраку.

И вот однажды мальчик просыпается, открывает глаза и

видит на стуле, прямо перед его ним, еле-еле умещааясь, стоит огромная Пожарная Красная Машина, машина, которой нет равных, одна единственная и неповторимая. Он вскакивает на еще холодный пол и бежит сначала по этому теплому квадрату пола, а затем снова по холодным доскам в мамину спальню, где родители сидят и неизвестно уже сколько ждут своего мальчика.

...

А потом было продолжение ... Старый яблоневый сад, в эти дни он был весь цветущий, совершенно удивительный и ароматный, зеленая-презеленая трава, сплошь покрытая солнечными одуванчиками, большой стол, покрытый белоснежной скатертью расшитой бабушкой, конечно же, ее пироги, и сладкие, и с мясом, и с капустой, чай и газированная вода, которая в те годы, да еще в деревне была крайней редкостью. Приглашался соседский мальчик, одноклассник, и все сидели за столом, и почему-то всем было хорошо и казалось, что так будет всегда.

...

– Ты там был?

– Был мед и газировку пил. Вот только усов и бороды не было.

– А зачем ты мне это рассказал?

– Совсем недавно я был уверен, что все в прошлом. А сейчас я хочу верить в то, что все еще будет. И все еще возможно. Хочется жить не спрашивая – За что мне это? но пытаться.

ся понять – Зачем мне это?

«Зима»

Мы успокаиваемся только познав истину. Вне зависимости от того истина она или нет.

Чужие

– Что случилось?

– Ты не замечаешь?

– Нет. Кажется, все нормально.

– Но ведь они – чужие. ... да. Чужие.

– Ты преувеличиваешь.

– Но они же ясно сказали: «мы так жить не хотим.»

– Ну надо было спросить: «а как так?»

– Ответ был прост: «мы не хотим жить так, как вы жили, как живете и как будете жить дальше».

– А чего же они хотят?

– Не знаю. И не понимаю.

Это произошло вдруг. Неожиданно и беспричинно. Оказалось, что рядом живут молодые, милые и симпатичные люди, о которых почти ничего не известно. Причем никаких особых отличий в общем-то и нет. Ну да. Они одеваются по-иному, ведут себя иногда не так как принято, своеобразно реагируют на что-то. Но при всем при этом они были, в чем-то неуловимом, другими.

В чем? Трудно сказать. Старшие, со всеми их повседневными загрузками важными, кажущимися необходимыми, срочными делами, лишь иногда снисходили до попыток поговорить и договориться. Они именно так это называли и

понимали – договориться, искренне считая, что их собственные старшие, в их время, точно также просто с ними договорились и сняли все проблемы, которые привычно называли проблемами отцов и детей. Вот только сейчас что-то было не так. Порой, но все чаще, возникало ощущение-тревога – а можно ли договориться? И договориться, о чем?

– Что ты думаешь о работе после института?

– Думаю.

– Может быть пойдешь к нам? У нас есть место.

– Зачем?

– Ну как? Это твоя профессия. Есть перспектива. Небольшая зарплата, но после защиты...

– Нет. Это не мое. Ты не волнуйся. Институт я закончу.

– А потом?

– Что-нибудь найду.

Вначале казалось, что все идет нормально. Молодые ищут себя, должны перебеситься и все нормализуется, все будет как у всех, как обычно. Волноваться нечего. Просто надо помогать и направлять. Ведь точно также делали и наши старики. И все получилось.

– Что ты думаешь по поводу работы?

– Ищу.

– Ну сколько можно?

– Пока не найду.

– Ну тебе же предлагали хорошее место, неплохая зарплата, определенное положение...

– А зачем мне все это?

– Ну хотя бы затем, что бы было на что жить.

– Я у тебя ничего не прошу. На то, что мне надо я зарабатываю.

– А дальше?

– Посмотрим.

...

– Им ничего не надо. Ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

– А может быть им не надо того прошлого, того настоящего и того будущего, которое ценно для нас?

– А что это такое?

– Не знаю.

Оказалось, что молодым не нужна их страна, государство, народ, нация. Просто не надо. Они живут только здесь и сейчас и интересуют их только они сами. Причем это не эгоизм, как это принято считать. Этим молодым нужны только они сами и только они сами являются единственной ценностью для них самих. Они приходят тогда, когда им надо и уходят тогда, когда им надо. Они не пытаются быть вежливыми и приличными, они пытаются отстраниться от любой зависимости. Они не говорят о свободе и о правах человека – они просто свободны именно так, как понимают свою свободу. Им никто не нужен и ничто не нужно. Они самодостаточны.

...

– Как же нам быть и как же нам с ними жить?

– Мы ничего не можем сделать.

– Они уходят?

– Да они уходят. И они уже не вернуться. Пусть уходят.

Единственно, что мы можем – не мешать.

«Осень»

Все прошлое и будущее действительно лишь в качестве настоящего, как то, в качестве чего оно присутствует в настоящем.

К.Ясперс

Шорох

– Помнишь? Нет, конечно, ты помнишь. Это нельзя было забыть ...

– Ты о чем?

...

– Много работы. Это и хорошо, и совсем не очень. Слишком много соблазнов.

– Это ты о погоде? Еще много солнца и эта прозрачная тишина. Лучше всего ничего не делать, греться и о чем-нибудь вспоминать...

– А тебе когда-нибудь приходилось бежать по сельской дороге, босиком, когда ноги утопают в теплой, мягкой пыли, фонтанчиками пробивающейся сквозь пальцы. За тобой остается шлейф пыли, такой же горячей и, как сейчас кажется, столь великолепной. Или сидеть с ребятами у старого сарая, доски которого всегда были ласковыми и такими теплыми. Они были странно узкими и какими-то шелковисто-ворсистыми. А цвет совершенно особенный – серый. Потом, много-много лет я искал такие же доски и такой же сарай. А его все нет и нет. Он остался там, в прошлом.

– Странно. И я это помню. Сейчас-то я уже знаю, что это были роскошные доски из обычной подмосковной осины. Сейчас из осины уже ничего не делают. И цвет, оказывается, был английский, серый, тот самый знаменитый англий-

ский цвет, который почему-то бывает только на английских костюмах.

– Но ведь ты о чем-то другом, о чем-то, что я должен помнить.

– Ты помнишь о том, что есть самое лучшее в твоей жизни?

– Странно... разве об этом надо помнить?

– Мне всегда казалось, что об этом нечего помнить, ведь самое лучшее в жизни всегда с тобой и оно никак не относится к памяти. Его просто нельзя забыть.

– Вот именно. Так почему же ты спрашиваешь?

– Действительно как-то странно. Но что-то произошло. И оказалось, что самое главное оказалось в прошлом. А в попытках то ли вернуть это, то ли обрести что-то еще, как-то само собой теряется, тускнеет и уходит. И тогда в постоянной погоне за новыми впечатлениями оказывается главным не растратить, не расплескать, то, чем действительно можно наслаждаться, этим звоном чистых, прозрачных, веселых и жизнерадостных ... воспоминаний. Возможно это глупо, наивно и смешно.

– Да нет. Почему же. Вовсе... вот только...

– Что?

– Неужели самое главное в жизни осталось в прошлом?

– Может быть, может быть. ... если бы знать, если бы знать.

«Осень»

Человек существует исключительно как настоящее.

ВЫХОД ...

– Почему ты не отвечаешь?

– Разве?

– Вот и сейчас?

– А что сейчас?

– Не отвечаешь.

– ???

– Я знаю почему.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Ты просто безответственный.

– Это приговор?

– Как хочешь.

– Да нет. Я не хочу. Хочу быть ответственным.

– Почему ты все пытаешься все превратить в шутку?

– Может быть потому, что ты говоришь об очевидных вещах, которые только кажутся очевидными. И потому так получается, что каждый говорит о своем в надежде, что его понимают. В то время как это совсем не так.

– Это ты усложняешь. Совесть, честь, достоинство, любовь, счастье и т.п.– все это всем очевидно и потому понятно.

– Очевидно это потому что очень видно?

– Может быть и так.

– Ну тогда ответственность, это когда человек готов отве-

чать за то, что сказал и что сделал?

– Вполне возможно.

– А если он не готов? Тогда что?

– Тогда он безответственный.

– И что?

– Тогда с ним никто не будет иметь никаких дел.

– Но человек не может отвечать за свои дела и за свои поступки.

– Как так?

– Вот так. Он не ведает, что творит. Он не знает ни то, почему он что-то делает, ни что будет потом делать. И уж тем более ответственность нельзя возложить на кого-то. Человек заявляет о том, что берет на себя ответственность ради ... удовольствия.

– Иначе...

– Иначе никак нельзя. Надо же тешить собственное тщеславие и утешать себя собственной значимостью, особенно тогда, когда никто не видит этой значимости и использует тебя ради исполнения тобой отведенной тебе роли.

«Осень»

*Там, где конечное только конечно, происходит прорыв
сквозь конечное к ключу истока.*

К. Ясперс

Бывает

- Вот и все... Как странно.
- И что тебе странно? Все, как всегда.
- Это для тебя.
- Думаешь только для меня?
- Да нет. Для всех таких как ты.
- Это каких, как я?
- Для всех тех, кто ...встречает новый год.

...

– А чем же ты отличаешься? Вот сейчас вместе со всеми

встречаешь новый год.

– Я не встречаю новый. Я провожаю старый.

– Подумаешь. И я тоже провожаю. Налью вина. Чокнемся

и проводим.

– Да с вами только и можно что чокнуться.

– Слушай. Какое у тебя странное настроение. Отчего?

– Может быть от того, что я знаю, что с нами было, знаю,

что этого уже не будет и не знаю, а что же будет.

– Вот именно. Будет только хорошее. Почему? Да потому,

что будет. Уже хорошо, что будет. Было бы хуже, если бы не

было.

– Расскажи, как ты в детстве встречал новый год.

– Да просто и незатейливо. ... Но лучшего праздника для

нас не было. Вот говорят – вспоминаешь только хорошее.

Трудно сказать было это хорошо или было плохо. Но что было точно, так это некое волшебство. Причем повторяющееся каждый год. И начиналось чудо задолго. За месяц-два.

– Чудес не бывает. ... да и что это за чудо, если оно начинается за месяц-два?

– Это было особое чудо. Казалось, что мы сами его создавали. Из ничего. Из конфет, которые мама покупала из каждой зарплаты. По чуть-чуть. Всяких, больше леденцов и немного шоколадных. Они рассматривались и ... убирались в красивый металлический сундучок. Затем, ближе к новому году, появлялось печенье, яблоки, мандарины. А 30 все это выкладывалось на круглый стол, все садились и начинали нанизывать все это на нитки. Яблоки были не крупные, особенно ценились крымские. Это такой сорт как вытянутые кубики. Их привязывали за веточки, в ушки конфет протыкались зеленые нитки и делалась петля. А мандарины протыкались в середине насквозь, на кончик крепилась половинка спички и так же делалась петля.

– Наверное половина тут же уплеталась?

– В том то и дело, что нет. Мы с братом были маленькие, но строго следовали уговору – ничего брать нельзя.

– А елка?

– Всегда была большущая елка. Доставался ящик игрушек. Это было еще одно чудо. Они остались нам от прапрабабушки. Еще немецкие, 19 века, очень толстые, разноцветные и страшно тяжелые. Всегда за честь повесить эти шарики

мы соревновались с братом. И всегда побеждал он. Он был старше и ему просто больше доверяли такую ценность. И тогда он залезал под елку и где-то в середине на толстую-толстую ветку вешал эти шары.

Конечно были бусы, гирлянды, разноцветные лампочки, мишура. А как было здорово разглядывать зверушек, дедов морозов, маленькие заснеженные домики, которых ты не видел целый год.

– От елки всегда пахнет холодом. И, мы никогда не знали, как она оказывалась дома. Постоянно спрашивали – а елка будет? И наверно всех доставали своими вопросами. Кажется, что таких елок больше просто нет.

– Чудо все приближалось и оно приходило, когда долго и очень красиво звенели старинные настенные часы, привезенные прадедом из Германии в подарок прабабушке, и мы по очереди забирались под елку и находили свои подарки. Глаза у всех светились радостью и почему-то было очень тепло и хорошо. Всем вместе и, казалось, что так будет всегда. И никто не вспоминал год прошедший.

– А что было потом?

– А потом тоже было... Мой диван всегда стоял так, что ветки елки нависали над моей головой. И вот утром, когда все еще спали, и можно было лежать под теплым, тяжелым, ватным одеялом, и не надо было вставать, самое лучшее время проснуться от запаха праздника. Елка в тепле оттаивала и начинала еще сильнее пахнуть. До сих пор помню этот вол-

шебный запах.

Открывая глаза вижу ветки елки и игрушки, и конфеты, и яблоки, и мандарины ... Протягиваю руку и тихонько-тихонько снимаю какую-нибудь конфету, так, чтобы не зазвенели игрушки, и никто не проснулся. Но больше всего любил брать игрушку и закручивать ее, потом отпускать и она крутилась, крутилась, сначала в одну сторону, а затем в другую.

– Здорово.

– А может быть вовсе нет.

– Почему?

– Этого уже нет и никогда больше не будет.

– Зато есть сейчас.

...

– Нынче холодно. Как тебе кажется?

– Зима.

– Ничего. Это пройдет.

«Осень»

Вины нет, если нет наказания. Наказания нет если нет вины. А потому нет ни вины, ни наказания.

Вина

Кто-то подошел к телефону ... и сказать было нечего. И зачем его придумали? Наверное, для того, чтобы было легче говорить то, о чем не думаешь. Или думаешь совсем не так. Состоялся странный разговор. Мы хотели сказать друг другу что-то очень важное, за что-то попросить прощения и получить его. Но все шло вовсе не так. Слова были не пустыми, но не здешними, откуда-то из другого мира, где живут другие люди вовсе не знакомые друг с другом, но вынужденные существовать вместе.

– Как трудно найти виновного?

– А может быть и не стоит искать?

– Но... тогда как же?

– Возможно, что иногда так можно, а когда-то так нельзя. Хотя бы для того, чтобы понять причину случившегося и попробовать делать все иначе.

– Ну тогда виноваты все.

– Может и так. Жить без правого и виноватого.

– Что-то случилось?

– Оказывается главное не в том, что ты сделал, а то, что ты не сделал. А мог и, наверное, должен был сделать.

Тогда я мало что мог сделать. Я так думал. Но одновременно, я чувствовал, происходило что-то странное. Я перестал жить. Нет, конечно, все было нормально, чередой обыч-

ных и ожидаемых событий, какие-то действия, решения, встречи ... Вот только все это я видел как-бы со стороны, хотя и был главным участником всего происходящего.

...

– Однажды ты спросила: За что тебе до сих пор стыдно?

Конечно, можно было бы уйти от ответа или придумать что-нибудь документальное и рассказать так, что не вызвало бы никаких сомнений в искренности. Я выбрал второй путь. И рассказал то, что было и за что стыдно до сих пор. Рассказ не помог. Стыд не ушел. Стало чуть легче от преодоленной тайны.

– Не мало...

– Да. Не мало. Вот только опять было что-то не так. От того, что не рассказал главного.

– Ну, может быть, это нельзя назвать виной?! Действительно трудно преодолеть себя и что-то открыть в себе для другого.

– Да это так. Но дело все же не в преодолении себя, а в том, что было с тобой в прошлом.

– Попробуй. Расскажи.

...

В такой ситуации любой партнер почему-то уверен в том, что вот сейчас ты расскажешь ему о своей вине ... перед ним. Почему?! Только вот я и сам пока не знаю, в чем же моя вина. Легче всего было бы сказать – «прости». Только вот за что?

Впрочем, она меня и не винит. Так, просто спрашивает

и в этом ждущем молчании смесь всего – чуть-чуть страха (а вдруг будет такое...?), чуть-чуть любопытства (интересно как же он выкрутится?), чуть-чуть интереса (а кто он на самом деле?), чуть-чуть насмешки (вот как я его...) и т.п. И какое-то, по-особому, молчание, за которым может быть все что угодно. А может быть мне это просто кажется. А конечно есть. Неуютно и потому начинаю понемногу злиться. Крайне неловко чувствовать себя не виноватым и знать – партнер надеется на какие-то слова, поступки, оправдания, объяснения. Знать, что простое – прости – все сразу разрешит и какое-то упрямое желание не говорить этого, как будто отставляя некую особую свою правду. Дурацкая ситуация постепенно переходящая в некий немой укор, дальше в непонимание и, наконец, в ссору. Зачем все это?

– Ну что же ты все время молчишь?

– А что сказать? И что ты ждешь от меня?

– Да ничего особенного. Что ты так волнуешься?

– Да не волнуюсь я ничуть. Только не понимаю, что от меня хочешь?

А вот за этими словами уже опасность. Они как вызов на бой. И обратного пути уже почти нет. Есть маленький шанс, но для этого надо найти свою вину. А вот с этим проблема. Она как-то вовсе не находится. Более того, приходит упрямая уверенность в том, что вины вообще нет никакой. И тут о чудо. Тебя спрашивают:

– Помнишь, как мы познакомились?

И это спасение. Главное не отклониться в сторону, а вспоминать о той ситуации знакомства случайного и смешного, легкого и светлого, возможно оттого, что это было летом, под дождем, когда тебе предложили разделить один зонтик на двоих. И несмотря на то, что идти до входа в метро было недалеко, дождя вполне хватило для того, чтобы ощутить его в полной мере.

Иногда бывает незаметно как рядом появляется кто-то. В общем-то, ничего примечательного и постоянно проходишь мимо, не обращая никакого внимания. А если и замечаешь, то просто скользишь взглядом. Но вдруг встреча, неожиданная и ... оказывается ожидаемая. Правда только потом вспоминаешь и понимаешь – ты был готов и ждал, ждал и хотел, надеясь, не осознавая этого, на то, что обязательно должно что-то произойти.

...встреча... Это не просто знакомство. Встреча – это тогда, когда к тебе приходит тот, кого ты ждешь и кого ты уже знаешь. Она никогда не случайна, просто так. А встреченный – посланник из твоего прошлого и твоего будущего, вестник того, что пока не знаешь, но знаешь – это мое. Это когда в один миг решается все и потому надо услышать, и принять, не отпускать и не уходить. Иначе обязательно накажешь сам себя. Нет, тебе не отрубят голову, не сошлют и т.п. Просто ты упустишь предлагаемый тебе дар, дар незаслуженный и дар не в расчете на то, что его когда-то оплатишь. Дар просто так, ни за что.

– Ты помнишь эту встречу?

– Конечно.

– И какая она была?

– Я боюсь тебе говорить об этом.

– Почему?

– Ну потому, что твоя встреча со мной была совсем иной.

Мы встретились в разное время и в разной ситуации.

– Не понимаю.

– Ну это просто. Моя встреча с тобой была тогда, когда мы уже были знакомы.

– Значит ты просто меня разглядел?

– Нет. Ну нет. Я тебя увидел.

– Ну расскажи. Я все вижу по-другому.

– Что-то со мной произошло. Это было у моря...

– Где соленая пена и встречается редко городской экипаж...

– Ну вот. Ты смеешься. Я не буду рассказывать.

– Не сердись. Как можно было упустить такое начало, у которого такое замечательное продолжение.

– Ох уж это образование...

К встрече нельзя подготовиться. И в то же время к ней готовятся всю жизнь. Она либо бывает, либо так и не случается. И еще не известно кому больше повезет. От нее нельзя уклониться, если она суждена, и ее невозможно организовать. Она может мастерски запутывать, обманывать, прерываться и возобновляться. Часто трудно определить зачем

она? Ведь она не специально. Просто так вышло. Ваша встреча навсегда остается женщиной, женщиной кокетливой, во всем и всегда. Надеяться угадать и предугадать невозможно, пустые хлопоты. Она может нравиться или вызывать раздражение, заботить или оставлять равнодушным. И это здорово. Встреча всегда игра, в которой невозможно проиграть. Надо увлечься ею и ... получать удовольствие, зная, что ошибаешься.

«Лето»

Просто – это о чем? Просто-это про сто? Или просто-это про 100? Тогда чего? Сто рублей или сто поцелуев? Или просто всегда не про что-то? Просто это не про что-то, это про очевидность.

А.Зворыкин

Встреча

... Нет, надо передохнуть... Вот тут... В тенечке.

... Да. Та наша встреча была случайной. И неожиданной.

Почему случайной? Да потому, что все мои встречи случайны. По случаю. Так получается...

...

... А вот неожиданной... Действительно. Мы все чего-нибудь ждем и, казалось бы, все, что с нами случается, хотя бы в чем-то должно быть ожидаемо, ожидаемо. И все равно неожиданно. Может быть потом, после, возвращаясь к происшедшему, к тому, что должно было быть забыто, мы понимаем всю закономерность случайного. И то, что эта случайность была тем самым шансом, о котором мечтаем и который просто не замечаем, как только он на нас сваливается. Может быть потому и не понимаем того, что это так ожидаемый шанс, потому что он сваливается или на голову, или под ноги?!

Возможно и потому, что все неожиданное кажется нам чем-то необычным, а под ним так хочется услышать «замечательно», «светло и радостно», «обещающе». Вот только потом оказывается, что «все как всегда», «чего еще можно ожидать от жизни».

...

И все же он был замечательный. Какой-то настоящий, что

ли? Все меня спрашивают – «Ну откуда ты все это берешь? Каждый раз он у тебя замечательный, бесподобный, лучший и т.п., а потом оказывается-такой же как все. И все завершается одним и тем же.»

...

Нет. Ну и пусть. Я просто не хочу иначе. Лучше в очередной раз ошибиться в своих надеждах и мечтах, чем отказаться от возможного шанса и упустить его, чтобы затем всю оставшуюся жизнь жалеть об этом.

...

Он шел мимо. И просто остановился. Не зачем. Я в начале даже не обратила на него никакого внимания. Ну шел мимо, как и все. И так и прошел бы мимо. Как и все. Зачем мне все это? И что мне от этого?

Но почему-то оно остановился? Чего стоит? И куда смотрит?

...

Мамочки. Да он на меня смотрит. Нет. Нет. Нет-да. Да-да. На меня.

В этот, вот такой момент, со мной всегда что-то происходит.

Ну как сказать?! Что-то необычное? И да, и нет. Разве может быть такое, что то, что каждый раз одно и то же, было бы каждый раз по-новому и по-другому?!

Могу сразу сказать. Только так и бывает. Должно быть. Иначе это уже не каждый раз, как всегда.

... Почему? Нет. Почему он остановился? Я не могла, боялась, посмотреть на него. Вдруг он смотрит куда-то, но не на меня? Или что-то там делает?

... и тогда что?

И только через вечность я подняла на него глаза.

...

Он смотрел в мою сторону. Нет не в сторону, а на... меня...

...

Что делать? Вот сейчас он уйдет. И я опять останусь одна. И вновь девчонки назовут меня «брошенной». Это нельзя, этого не должно быть, не справедливо. Я так не хочу.

Я готова его любить, быть рядом с ним всегда, оберегать и охранять. Я никогда его не брошу. Я умру вместе с ним. Ну что еще я могу сделать для него?

...

Он стоял и смотрел на меня. И я не выдержала и подошла к нему. Боясь испугать и оттолкнуть чем-то своим неосторожным.

...

И вот счастье. Он наклонился и погладил меня по голове.
– Собака ты моя. Моя собаченция.

«Весна»

Неужели, не будучи в силах понять себя, мы можем лишь обмануться своей надеждой?

И так тоже можно ...

– Зачем ты живешь?

– Давненько меня об этом не спрашивали...

– Всему свое время.

– И почему ты считаешь, что оно уже наступило?

– Ты считаешь, что этот вопрос задается только после определенного количества выпитого?

– Чаще всего именно так. А как сейчас?

– Хотелось бы услышать, что ты живешь ради любви.

– ???

– Нет. Этот ответ скорее всего был бы из-за *бессилья умственного тупика*. Что с тобой?

– Уже было что-то подобное. Этот вопрос, всегда возникает из ниоткуда, как ответ на бессилье понять, что происходит, и хотя бы как-то приспособиться ко все новым и новым впечатлениям от надвигающейся на тебя жизни, противостоять которой, как оказывается ты не можешь. Как ни странно, не помогают и вопросы-ходули – что делать? и кто виноват? – ответы на которые сначала кажутся столь значимыми и лишь потом оказываются бессмысленными и бесполезными.

– Может быть, ты просто пытаешься уйти от этих вопросов?

– Может быть ... Вот только не удается *забыться и заснуть, и видеть сны*. Вопрос периодически всплывает вновь

и вновь, и с каждым разом он все больше похож на труп давно утонувшего. Сам о себе напоминает и требует ответа. Но при этом все чаще возникает ощущение – найденный ответ ничем не поможет, так как остается все меньше времени для его воплощения в собственном существовании. И тогда сами собой приходят слова, за которые, уже за них одни, можно назвать писателя великим – *«Поздно. Как поздно.»*

– Наверное никто не может посоветовать что-то реальное...

– Почему?

– У каждого своя правда.

– Но истина одна?

– Может быть... вот только она недостижима.

– Слова, слова, слова... чего стоят рекомендации – жить для жизни, живи пока живется, для счастья, для удовольствия, для себя, ну и для других и т.п.? Можно и так, а можно и по-другому. Единого ответа нет. Или он все же есть?

– Да ответ прост – надо выбрать то, что подходит, то, что нравится и все.

– Ну да. А потом просто забыть об этом и жить как получится. Замечательная точка опоры, и возможно она поможет.

А что нравится мне? Знаю, что хочется, но, оказывается, не знаю что нравится. И еще. Не знаю – то ли вопрос подгонять под жизнь, то ли жизнь строить под вопрос. Так бывает. Нет единого «рецепта» на всю жизнь, одновременно и реального, и рационального, выгодного и удобного. И «каж-

дый выбирает для себя, каждый выбирает по себе».

– Ты думаешь, когда тебя спрашивают? Или когда тебя не спрашивают?

– Просто пытаюсь думать...

– Странно.

– Почему?

– Потому что, когда ни спросишь, ты всегда молчишь и лишь потом что-то скажешь.

– Может быть потому ты для себя не понимаешь зачем и почему спрашиваешь. Такое ощущение, что спрашиваешь просто так, первое, что пришло в голову.

– Сам дурак.

...

– Так что же ты выбрал по себе и для себя?

– Когда-то нравилась мысль о том, что жизнь дается, как возможность самореализации, самовоплощения, для достижения в делах уровня своей компетентности, того уровня, при котором все делается по максимуму. И тогда жизнь становится всего лишь шансом, который каждый может использовать для реализации этой данности. И кому-то это удастся, а кому-то нет.

– Ну и?

– На этом можно остановиться и удовлетвориться. Кто-то пытается следовать за этим обретенным смыслом своего существования, а для кого-то это так и остается всего лишь некой идеей. Вот только в любом случае удовлетворенности

не наступает.

– А что же потом? После полной реализации, полного самовоплощения?

– Ответа либо нет, либо он есть – смерть. Дальше жить незачем. Полная максимальная самореализация и самовоплощение завершается ...пустотой, ведь в результате у тебя ничего не остается. Кроме усталости и, скорее всего, разочарования от так и не достигнутого чего-то. И тогда оказывается, что найденный смысл был каким-то однобоким что ли. Неполющенным.

– Опять тупик вопроса?

– Оказывается мало просто все отдать. Ему нужно что бы что-то осталось. А это возможно только если воплотившись в сделанном, реализовав себя не просто исчезнуть, растворится в достигнутом, а преобразится и приобрести свое новое качество, новое состояние самого себя. Это и есть путь к самому себе, себе подлинному, тому, кем тебе было суждено стать и для чего ты появился в этом мире. Возможно это и является подлинным смыслом существования. Преображение...

«Осень»

Интересно. Чувство понимает себя или оно только переживает себя?

Почему

– Какое время года тебе нравится большего всего?

– Ну ты же знаешь ответ. Ты так давно меня знаешь...

– Иногда мне кажется, что я знаю тебя в прошлом. Постоянно отстаю от тебя нынешнего и совсем не представляю тебя будущего.

– На самом деле это и есть высшее знание другого.

– Смеешься? Отнюдь. Да и зачем мне это?

– Это не зависит от воли. Можно всю жизнь пытаться понять другого, но так и не понять ничего. А бывает наоборот. Правда редко. Совсем не стараешься понять, а все понимаешь.

– Тогда, кто это определяет?

– Может быть это тебя удивит, но как раз это определяет твой партнер. Сам не можешь понимать или не понимать другого.

– А как же тогда относиться к словам: я тебя понимаю?

– Всего лишь как к словам. Это либо гордыня, ведущая к самообману, либо привычное словосочетание, не более.

– Да ладно? Ну вот. Ты в очередной раз разрушаешь, что-то устойчивое во мне.

...

– И все же. Я до сих пор не знаю, что ты вспоминаешь из своей жизни как нечто особенное.

– Рассказать?

– Конечно.

– Например, последние дни августа.

– Понимаю. Они, бывает, обладают особым очарованием.

По крайней мере, для меня. И это не только потому, что заканчивается лето, самая моя любимая часть года.

– Да, каждому свое...

– Прости. Ты о другом.

– Ничего. Я привык. ... Почему-то каждый год именно в эти дни я вспоминаю одно и то же. То, как меня собирали в школу, в первый класс. И потом, каждый год... Всякий раз по-новому и всегда по-старому.

– Ты же не любил школу?

– И что? Вообще-то кто-то предложил мне рассказать? Не помнишь?

– Да-да, я слушаю.

– Это не обо мне.

– Ну ладно, извини.

– Меня собирали все. Все лето одолевали одним и тем же вопросом – хочу ли я идти в школу? И добились наконец-то ответа – не хочу. И вот наступает 31. И почему-то меня начинают рано укладывать спать, несмотря на то, что прекрасная погода, мы с мальчишками гуляем весь день и ничего особенного не происходит. Но вот это раннее укладывание и странное волнение мамы и бабушки, особенно бабушки, чуть-чуть передается и мне. Даже сейчас... а тогда пытался

понять и не понимал, что там будет завтра. Вообще не хочу завтра, а хочу, чтобы продолжалось сегодня. Не нужна мне никакая школа.

– Шутишь? А как же вся эта азбука, арифметика?

– Моим миром была семья и мой дом. Все остальное было во вне, чужое и часто чуждое. А дома считали все эти буки и веди будут в школе и потому в школу я пошел абсолютно безграмотным, не читал, не писал, не считал. Меня никто не учил и даже не пытался. Зато Меня воспитывали, и я знал, как надо вести себя правильно и красиво, быть деликатным и все делать вовремя. И я совершенно не представлял себе, что там делают в школе.

– Ну и что 1 сентября?

– Меня будят рано, и я в полудреме. Причем такой, что ничего не понимаю. Зачем, для чего, куда, почему??? Меня кормят каким-то дурацким завтраком и торжественно одевают. Как в фильме «Иван Грозный» перед венчанием на царство. Помню рубашку, форму, ботинки. И, главное, фуражку. Не просто помню, а вот сейчас чувствую всей кожей эту шерсть, когда зудит все тело, эту тяжесть от формы, ремень, который норовит все время сползти куда-то вниз и чудом держится на спине, а спереди болтается почти у колен. Зато фуражка... Предмет гордости. Всей головой чувствую, как жесткий обруч фуражки врезается в меня. Голова сразу становится не управляемой и постоянно склоняется то в одну, то в другую сторону, по чьей-то милости или, возможно,

от малейшего ветерка, которым может быть только дыхание моей мамы или бабушки, стоящие передо мной на коленях, пытаюсь хоть как-то укрепить на мне все это «богатство», которое, и это я, конечно, узнал это значительно позже, с таким трудом приобреталось на накопленные деньги.

И, наконец, мне вручается портфель, который также был собран не мной, и я так и не знал, что же там лежит и зачем мне все это дают. Но самое страшное было впереди. И это, как ты думаешь, что?

– Ну я откуда знаю?

– Напрягись. Уверен, что знаешь.

– Неужели?

– Что неужели?

– Цветы?

– Конечно. Молодец. Это были флоксы. С тех пор запах флоксов всегда связан с тем волшебным днем.

Что делать с цветами?! Я абсолютно не знал. Да и флоксы я тоже не знал. На даче, где мы проводили все лето, и где я сделал свой первый шаг, таких цветов не было. А были полевые и лесные цветы, причем они были настолько естественны в моей жизни, что я не мог себя даже представить ничего иного, кроме цветов в поле или в лесу. И это было здорово и счастливо. Да и коровы были живые, а молоко было от коров, а яйца от кур. А цветы в лесу, в поле, на лугу, а не букете в моей руке.

Представляешь это зрелище?

– Да брось. Все было нормально. Как у всех.

– Нет. У меня было по-другому. Ты не поймешь.

– Ну что дальше?

– Мама... мама, как всегда, тут же пришла на помощь и сказала: «Цветы надо отдать директору». Правда она так и не сказала, кто это такой, и зачем я должен отдать эти прекрасные цветы именно директору. Но я был чрезвычайно послушен и никогда не задавал риторических вопросов. Предпочитая отвечать на них самостоятельно.

И вот после всех этих мучений с одеванием, фуражкой, которая лезла на глаза, портфелем, бившего по коленям и все время пытавшимся запутаться между ног, жаркой формой в прекрасный, теплый сентябрьский день, меня поволокли в школу. Правда награда не заставила себя ждать. По выходу из подъезда нас встречал дворник, соседки и дядя Володя, совсем маленький человечек, но очень меня любивший и, может быть, поэтому, вышедший проводить нашу процессию. Все что-то стали говорить. Я не помню. Но никогда потом я не чувствовал столько добра, ласки, любви от других, казалось бы, совершенно посторонних мне людей.

Тогда меня все любили. Я помню их лица. Они уже давно ушли и остались только в моей памяти. Какое это было счастье. И оно было всего раз в этой жизни. Потом тоже что-то было. Но этого безмерного, безоблачного всеобщего счастья уже потом никогда не повторилось.

И мы идем в школу. Может быть оттого, что я проснулся,

или от лиц всех встречающих меня людей, или от настроения моих родителей, или еще от чего, но мне стало как-то торжественно и ожидательно. С тех пор каждые год в этот день я что-то жду. И вот уже много лет я не хожу в школу, и нет тех, кто может дать мне безвозмездную радость, но первого сентября всегда возникает, хотя бы на миг, ожидание – *«А что-то там будет, что ждет меня там за одним поворотом, потом за другим, и вот уже я вижу большую, бело-красочную толпу, где больше всего больших людей и совсем немного девчонок и мальчишек».*

Потом меня ставят в строй, а я этого очень не хочу. И это был один из первых уроков в моей жизни. Именно тогда я впервые понял, что всегда буду не любить себя в строю, не любить быть одним из многих, таких же, как все. А затем все побежали с цветами и, конечно, все к директору. Можешь себе представить эту толпу...

Как прошли уроки и что с нами делали, я кажется забыл сразу. Но главная радость была впереди. И она связана с ... возвращением домой, когда я пришел, сбросил с себя все это школьное и побежал на улицу.

В этот день все было настоящее.

– Да. Здорово. У тебя был этот день.

«Лето»

Может быть оценка «все хорошо» дается нам как откровение о том, что все могло бы быть значительно хуже?

Возможно все хорошо

– Опять... или... вновь... или еще лучше... снова. А может быть... пора. Да пора. Пора вставать и снова начинать... Вот только что...

О чем это я вчера думал? Не помню. Совсем. Как отрезало. Ну ладно.

...

– Вот опять – ну ладно. Сколько раз говорил себе – не соглашайся с возникшим тупиком. Это точно не тупик. Это лень преодоления. Ну что же? Ах, да. Непонимание... Что это? Это когда один задает вопросы, на которые другой не хочет отвечать?

И при этом один, который задает вопросы, не понимает, почему он не получает ответы, а другой, которому эти вопросы заданы, не понимает, почему они ему заданы и почему никто не понимает его нежелание на них отвечать. Так каждый разговор с подобными вопросами и такими же неответами становится похожим на встречу бойцов, всегда ограниченных неким пространством, который по праву можно назвать рингом.

Да и начало подобного разговора похоже одно на другое...

...

– Привет...

– Доброе утро...

...

– Как спал?...

– Нормально... а ты как провела ночь?...

– Да было бы с кем...

...

– Мне кажется, что я с кем-то сегодня спал!? Или это мне только кажется?...

– Слава Богу, что заметил.

...

– Ну как же можно не заметить, когда постоянно натыкаешься на кого-то?!...

Да, эта милая разминка, состоящая из чередующихся вопросов, задаваемых не для того, чтобы услышать ответ, и ответы, которые на самом деле не отвечают на вопросы, она была предназначена не для обсуждения чего-то или, ишь чего захотели, для того, чтобы порадовать друг друга. Нет. Она необходима как вспоминание о существовании другого, встав в давно уже усвоенную позицию защиты-нападения, набрав нужный ритм и ни в коем случае не пропустить удар.

Этот ринг мог бы продолжаться если бы в пределах видимости не появился судья-рефери, сын, прерывающий обмен ударами, переводя его на новый уровень взаимонепонимания.

– Привет, птеродактили – то ли он здоровается, то ли констатирует, на время разводя родителей по углам.

Как же хочется вдарить ему вот сейчас, прямо сейчас. Да

ногой, да под зад! Знаю, что зря сдерживаюсь. Все равно он ничего не поймет. Ни от того, что ему скажешь, ни от того, о чем промолчишь. Да и ни от того, что сделаешь.

И когда он перестанет так нас называть? Или может быть мы действительно эти самые птеродактили? Кстати, кто они такие? Забыла. Надо посмотреть в интернете. А то не знаешь, как реагировать.

...

– И что молчите?

...

Вопрос абсолютно бессмысленный потому, что как всегда нет ответа. Ритуал. Они молчат. Не слышат, что ли?

...

– Как дела в институте?

...

Зачем спрашиваю. Все равно знаю один и тот же ответ. И что?! Так будет и впредь. А почему он ничего не спрашивает? Всегда я, как будто мне больше всех надо.

...

И чего она задает эти идиотские вопросы? Ведь знает мои ответы и затыкается ими. Не понимаю. А если спросить? Да, нет. Не стоит. Все равно ничего путного не дождешься.

...

Каждый день одно и то же. Скукота и только. Зачем они живут вместе. Давно надо было съехать. Легко сказать. А куда? И на какие шиши? Они денег не дадут. А может... ну

хотя бы спросить? Объяснить. Рассказать. Вдруг поймут?

...

– Ну ладно. Я пошел. Ложусь на крыло. Пока.

...

– Пока.

Зачем спрашивать: когда будешь дома? Все равно не скажет правду.

...

Зачем все это? Кому это нужно? Для чего так жить?

...

Зачем все это? Кому это нужно? Для чего так жить?

«Зима»

Если истина есть всего лишь мера заблуждения, то она, эта мера, вероятно захлестывает меня полностью. Вопрос – где найти ту самую вечную меру?

Индия навсегда

Необходимое.

Ехать – глагол, подлежащее, прилагательное, т.е. все то, что может быть названо передвижением в Индии.

Проводить, провести (иносказательное) – обмануть, ввести в заблуждение, соответствовать иллюзиям.

Маниакально-депрессивный психоз (мед.) – состояние субъекта от московской погоды и московского настроения середины ноября и предвкушения гриппа.

Абсциненция (мед.) – состояние пост алкогольного или пост наркотического опьянения начинающееся в самолете, возвращающем субъекта из Индии в Москву и выражающегося в бессмысленном повторении вопроса: «*зачем я оттуда улетаю?*». Характерно далеко не для всех.

Жизнь – череда событий, никак не поддающихся управлению и вызывающие стойкое и необоснованное стремление когда-то все изменить. Желательно с ближайшего понедельника. Словарь редко употребляемых слов. под ред. Р.Полборна

К чему я это? Ах да. К вопросу об очередной поездке в Индию.

Очередная 25-я (или какая там) поездка в Индию требовала обоснования-оправдания. Иначе в глазах друзей она читалась как очевидное проявление маниакально-депрессив-

ного психоза или, в лучшем случае, как последствия абсцинции.

...

Есть люди, которые живут от места до места. А есть те, кто живет только в каком-то месте. И нигде иначе жить просто не могут. Говорят, что есть те, кто живет от зимы до зимы. Редкие люди. Да и существуют ли они вообще. Да и люди ли они?! Может быть они и были когда-то, да все вымерли?!

Я решил жить по-другому. Может быть, не желая просто жить? Или просто надо жить просто? Вот только вопрос – от чего до чего? А может быть битва над вопросами – Зачем? Почему? С кем? Была мной в очередной раз напрочь проиграна.

Впрочем, почему проиграна? Нет она была выиграна путем сознательной, безоговорочной моей сдачи на милость победителя. Выиграла жизнь. И пусть будет все так как будет. Даже интересно. А как будет? И будет ли вообще?

Но вот что. Удивительно, но почему-то очень хочется пнуть этого победителя, даже себе во вред. И хочу попробовать жить от весны до весны.

...

Время ... Вот и все оправдание-объяснение. Оно тут, в Индии, течет совсем по-иному чем где-либо. Очень странно – оно то стоит, то летит, то прыгает, то замирает на миг, которое потом, в другом мире, кажется вечностью.

...

Воскресенье.

Поздно. Бог знает который час.

Четко и предельно ясно – впереди целая неделя и ты стоишь на самой вершине высокой горы и впереди крутой спуск до следующего воскресенья. И кажется, что оно никогда не наступит. Тревожные часы с предвкушением чего-то, что, и это ты уже точно знаешь, никогда не сбудется. Индия...

Понедельник.

5:30. Темно как у негра в ж...животе. Где ты там, рассвет? И вообще? Наступит ли он когда-то? Встаю, иду на балкон в неосознанной надежде увидеть солнце. И вижу – фиг-вам. Темнота, и глухота. Как будто я в Индии. Вспоминаю – действительно в Индии.

Потихоньку начинаю верить в ужас, который бывает у тех, кто застрял в индийском лесу ночью. Не помогает даже тень охранника под балконом. Приходит шальная мысль – теперь я понимаю Гамлета. Он имел все шансы поверить в тень своего отца. Видимо дело происходило в Индии, только потом автор изменил страну пребывания.

Время в первый раз остановилось. И стоит. Не помогает и рассмотрение на часы. Холодный пот – любимые, новые, финские часы сломались. В этом ужасе засыпаю мертвым сном... чтобы проснуться через пять минут.

6 часов. Подъем и блуждание по комнате в бессмысленно надежде найти вещи.

6:30. Завтрак. Но это отдельная история.

И почему-то сразу 9 часов. Куда делись два часа? Понять невозможно. Индия...

10:00. Выход к бассейну с погружением в ... сон. До 11:00.

11:00. Выход к океану. Задача – пройти по пляжу 3 км. Для похудения и разминки. Начинается маршрут. Через 100 метров чувствуешь, что тело склоняется вперед на 20 градусов и голова оказывается на три шага впереди тела. Иначе нельзя. Понимаешь – голова и ноги живут своей отдельной индивидуальной жизнью. Как-то сами собой возникают мечты об окончании маршрута. Голова в мечтах, а ноги в объективной реальности.

Не помогают и цитаты из дзен буддизма о том, что дорога в 1000 лье начинается с первого шага. Не стимулирует. Надо что-то еще.

Еще через сто метров осознаешь, что взгляд упирается в песок пляжа и это твоя третья нога. Иначе просто упадешь.

Так, приняв позу виртуального треугольника, бредешь дальше неизвестно как пройдя 1,5 км. Добираюсь до желтого флага, огибаю его и ложусь на обратный путь. Именно ложусь, почти параллельно пляжу. Так сам себя вижу со стороны. Время опять остановилось.

И тут приходит второе дыхание. Оно состоит в том, что руки заводишь за спину и крепко их сжимаешь. Иначе они почему-то болтаются во все стороны и могут в любой момент привести к падению. Остро, ясно и однозначно осознаешь –

останавливаться нельзя.

Вновь прибегаю к самовнушению и почему-то в сознании всплывает площадь Дзержинского и железный Феликс. Помогает. Но не долго.

И вот новый флажок. Место для купания.

Бросаюсь в воду с надеждой на скорый возврат на любимый лежак у бассейна. Но приходит временная океаническая релаксация в виде пребывания в воде в качестве того, что не тонет. Болтаюсь как поплавок.

Круто.

Смущает только то, что надо пройти по раскаленному песку прежде чем доберешься до ореховой рощи, где волшебным пахнут зацветшие деревья. Время опять останавливается. Нирвана.

Время возвращается, т.к. нужно проплыть в бассейне 150 метров. А это сами понимаете?!

Плюхаюсь и плыву. Конца не видно. И все же приплыли. Вылезаю и уже 14:00 – время чая.

15:30. Второе купание с повторением всего. Затем возлежание у бассейна с просыпаниями от криков соседей – бужу их своим храпом.

Сбор на ужин. Не ясно куда убежали четыре часа. Ужин и вдруг 22:00. Дня нет. Понедельник кончился так и не начавшись.

Мои санки устремились вниз по склону и бегут, бегут, все время ускоряясь.

Вторник.

Утра уже вообще просто нет. Сразу 11 и мои три километра. А затем почему-то сразу ужин и сон. Где он был вторник.

Среда.

Понимаю. Так нельзя. Дни текут сами по себе. А я сам по себе.

Среда. Рыночный день. Это значит поездка и хождение по базару Востока. Тут все продается и покупается, кроме времени. Его там просто нет. Не в том привычном смысле, что его мало и не хватает. Его действительно там нет. Оно полностью исключается из твоей жизни. Не засчитывается.

Рынок... Нет. Базар... Нет. Базар в Индии... Нет. Базар в Индии в Гоа... Нет. Базар в Индии в Гоа утром... Нет. Базар в Индии в Гоа утром в Анджуна... Это что-то. И потому потом.

Начало в 9, а в 14 дома, и дня нет. Он остался на базаре.

Четверг.

5:30. Глухая, зловещая индийская ночь. Время остановилось. И понимаешь – твои санки достигли своей крайней точки. И теперь по инерции они начинают медленно подниматься, вопреки всем законам физики, в горку, готовые вот-вот остановиться. И вот-вот остановятся. И останавливаются... В 12:00 по полудни. Все, время, уже в который раз, остано-

вилось. И надо как-то дожить до воскресенья.

В 15:00 кажется, что это невозможно, а в 18:00 появляется уверенность – это точно невозможно. Индия...

Пятница.

Где-то утром. Неужели пятница. Несбыточная надежда – может быть будет суббота? А может быть и нет.

11:00. На маршруте. Надо что-то менять. Так жить нельзя.

Может быть на ужин заказать рыбу. Нет. Они не умеют ее жарить. Или... Нет. Надо что-то менять.

18:00. Ничего не помогает. Время окончательно остановилось. Все. Приехали. Может быть стоит вернуться в Москву? И где же эта хваленная ностальгия?! Где эти мечты-воспоминания о декабрьских морозах, мгновенно переходящих в оттепель. Эти гипертонические приступы, мокрые ботинки в солевых разводах, серое небо Родины, гимн и президент в телике?

Что-то как-то...

Суббота

А вот и суббота... Но перед ней была ночь с ее видениями. И снились мне мои котлеты, пушистые, сочные, большие с ароматной корочкой. Они лежат на тарелке с белой ароматной мятой картошкой, приготовленной на холодном молоке и финском сливочном масле. А рядом стоят в маленькой тарелочке соленые огурчики в мизинчик, ароматные и с

пупырышками, на один укус, чуть поодаль другие огурчики, натертые на мелкой терке и заправленные майонезом, а рядом огурчики средние, такие, чтобы откусив, из них побежал по руке сок. А вот и маринованные помидорчики, размером каждый с роток, чтобы не кусать и не резать. А разом и в рот, а там нажать языком чуть-чуть и брызнет сок, передавая тебе весь свой вкус. И, конечно, маринованные белые разлеглись на синей тарелке и так и ждут, когда ты их подхватишь вилкой и отправишь в рот после рюмки холодной водки.

Кажется светает. Или это уже весна пришла в Индию и день увеличился.

И как-то сразу 9, а потом и 11. Снова маршрут. Как всегда, вдруг видишь свою тень, которая бежит перед тобой и ты ее догоняешь. А потом, завернув за флаг, тень оказывается позади тебя. И вот она уже бежит за тобой пытаясь догнать и перегнать.

Так и в жизни. Первая половина ее это погоня за своими мечтами, планами, желаниями, иллюзиями, всем тем, что хочется достичь и реализовать. А вторая половина ... бег от себя. От всего того, что так и не удалось. Это твои возможности убегают от тебя. Зачем ты им тупой и старый.

Ну все. Опять. В Индии у меня всегда так. Она щедро дарит мне знаки, играет со мной, ощущая свое могущество. А я всего лишь пытаюсь что-то понять в этих знаках. Но сначала их надо распознать в этом потоке. А потом увидеть в них то, что тебе хотят сказать. Это сказочная игра. Пусть она

будет бесконечной.

18:00. Надо собираться на рынок. Ох уж этот ночной рынок в Гоа. Праздник на вырост.

22:00. Вечер, но почему-то он переходит в тихую воскресную ночь. К чему бы это?

Пора спать. Время возвращается и ведет себя хорошо. Покойно. И вот вновь...

Воскресенье.

5:30. Приехали. Опять на вершине. Где она моя неделя.

Как бы выходной. Вот только надо решить от чего? От жизни?... Индия...

«Лето»

Неужели всему, что вокруг меня, совершенно безразлично то, что я есть?

Июньский голубой простор...

Вы когда-нибудь были в лесу...? Нет, действительно. Были или нет?? Или были там, где много деревьев и нет ни одного дерева? Там, где есть только одна береза. И она белая. А вот рядом сосна. И она янтарная. И почему никто не удивляется? Они растут рядом, в одной и той же земле, под одним и тем же небом и солнцем, их поливает один дождь и засыпает один снег. Почему же они такие разные?

Стоит, конечно стоит, подойти к березе и обнять ее, медленно-медленно провести взглядом по ее стволу вверх, до самой верхушки, упирающейся в синее небо с плывущими по нему белыми облаками. Посмотрите, береза что-то пишет по небу своей верхушкой. Может быть она хочет что-то сказать тебе? Или это тебе только кажется и это ты пытаешься говорить с самим собой о самом себе? И только? Может быть она хочет рассказать о том, что было до того, как ты пришел сюда и что будет тут после твоего ухода.

Нет. Она говорит не тебе. Оно говорит с небом, которое было всегда и будет всегда и которому нет никакого дела до того, есть ты или тебя нет. Возможно кто-то другой придет сюда и так же, как и ты, обнимет березу в надежде на ... что-то свое, также поднимет свой взгляд до самой верхушки и все-таки разгадает, что она там пишет.

– Зачем?

– Что зачем?

– Вот это все. Зачем?

– Может быть затем, что бы было?

– Ну вот. Ты опять пытаешься шутить.

– Да нет. Не пытаюсь. Просто шучу.

– Почему? Что, так легче? Может быть тебе страшно? И ты пытаешься убежать в шутку? Или нечего сказать?

– Как много вопросов...

– Знаю, что их у меня меньше, чем у тебя ответов на них.

– Ты слишком любишь себя, чтобы верно меня оценивать.

– Еще один твой парадокс.

...

– Причем тут моя любовь к себе?! Куда как логичнее говорить о чрезмерной любви к тебе.

– Я предпочел бы менее логичную, но более...

– Какую, какую? Ну скажи. Если не боишься.

– Опять страх. Ну причем тут страх?

– Разве любящий не боится потерять свою любовь? Разве он не дорожит ею?

– Любовь потерять нельзя. Она не чемодан и не кошелек.

– А куда же она тогда девается? Или как?

– Да никуда. Она или есть, или ее нет.

...

Говорил же себе – не стоит напрягаться и пытаться отвечать на бессмысленные и бесконечные вопросы.

...

– Послушай. Как ты думаешь любит эта береза кого-нибудь или нет? Или ей все равно?

– Было бы здорово, если бы она кого-нибудь любила.

– Что очень хочется?

– Да, очень.

– И тебе мало моей любви? Что тебе еще надо? Ты с ума сходишь!

– Ну вот и Чехов пригодился.

– Прекрати! Причем тут Чехов?

– Действительно ...

– Вот именно! Как трудно говорить с тобой!

– Особенно о любви.

– Вот именно...

– Может быть вообще о ней не стоит говорить?

– А я хочу!

– Что?

– Хочу любить и быть любимым. Всеми-всеми. Кажется, что ее всегда не хватает.

– А ты подойди к дереву, обними его и будет тебе бессловесная любовь. Оно не скажет тебе – пора, хватит, потом, отстань. Не спросит: что с тобой? чего тебе надо? зачем и почему?

– Но оно и не скажет – люблю тебя.

– А оно тебе надо?

...

Надо сказать, и надо услышать. Услышать свой голос, услышать свое признание и свое чувство. Ведь любовь – это эхо. И ничего иное. Или оно есть или его нет. Правда для этого нужны уши – подумал он. И еще. Надо чтобы оно вернулось. Может быть говоришь всего лишь с самим собой о самом себе. И нет никого другого вокруг тебя. Или тебе нечего сказать другому.

И только? Нет, для любви нужно мужество и силы, талант и смелость, чтобы отказаться от себя конечного ради другого бесконечного.

А та береза стоит сейчас в том же лесу, смотрит в небо облетевшими ветками и одиноко шумит, отдаваясь ветру, как все вокруг отдается друг другу.

«Весна»

Неужели для того, чтобы оставаться собой надо предать свое будущее? Или надо предать себя ради своего будущего? А как-то иначе?... Иначе нельзя.

Что-то не так

– Послушай...

– Да?

– А что такое клиповое мышление?

– Зачем тебе?

– Да вот говорили...

– Ну и что что говорили? Ты больше слушай.

– Нет. Почему же? Интересно. Или ты просто сам не знаешь?

– А как ты думаешь?

– Надеюсь, что знаешь. Или скорее хочу надеяться, что знаешь.

– Опять у тебе какая-то эквилибристика из слов – надеюсь или хочу надеяться...

– Не ворчи.

– А я и не ворчу.

– А как это называется?

– Похоже на дорогу в спор, с последующим приплытием в ссору.

– И опять из-за ерунды.

– Из-за ерунды? Впрочем...

– Ты что опять на второй круг?

– Не во мне причина.

– А в ком?

– ... в клиповом мышлении.

...

– Будешь яичницу?

– А что? У меня есть выбор?

– Конечно. Или да или нет.

– Тогда уж либо остаться голодным или быть объявленным.

– Это что? Твое новое изобретение?

– Ну, по крайней мере, мое, а не услышанное где-то там.

В виде клипового мышления.

– Забудь.

– Ну зачем же?

...

– ... пережарено...

– Лучше, чем ничего.

– Вопрос спорный.

– Это не вопрос, это ответ.

– Может быть вместо филологии что-нибудь еще к завтраку?

– Клиповое мышление?

– Хоть что-то...

...

– А почему бы нам, хотя бы в марте, не начинать день с чего-то другого?

– Например? Ты имеешь ввиду яичницу?

– Далась тебе яичница.

- Вообще то она тебе далась. Отдалась.
- Нет. Я имел ввиду начать день с согласия?
- Чтобы закончить параксизмом любви?
- Ну хотя бы молчанием в любви.
- Как ты себе это представляешь? «Молчание в любви»...? И это в марте?
- А причем тут март?
- Вот именно.
- Я согласен.
- С чем?
- С клиповым мышлением, когда ...
- Когда нет мозгов, но есть мышление?
- Примерно.
- А точнее?
- Когда ты воспринимаешь мир по кускам, какой-то нарезкой и сам соединяешь их воедино, как сам хочешь, по своему усмотрению.
- Но ведь так было всегда?
- Нет. Раньше были романы, длинные и нудные...
- А теперь секс, когда ты кого-то и секс – когда тебя кто-то?
- А причем тут мышление?
- Вот именно?
- Кто о чем, а ...
- Да-да. Именно. Кто о чем и каждый о том, чего ему не хватает.

- Ты хочешь сказать, что и секс становится клиповым? По кусочкам, то там, то тут, то с этим, то с тем?
- Вот, наконец то, и проявилась твоя сущность.
- Поговорили. Может быть это все-таки март?
- Не знаю. ... надеюсь. Вечером узнаем точно.

«Осень»

Возможно, то, что вне нас, не зависит от нас. Но может быть мы хотя бы можем что-то использовать, что вне нас для нас?

И вот уже...

В свои слишком лет он хорошо знал эти признаки влюбленности, когда в тебе неизвестно откуда, как и почему появляется и поднимается все выше и выше ожидание чего-то иного, необычно приятного и готового в любой момент исчезнуть, оставив после себя что-то, состоящее из легкой грусти, печали и радости. От того, что могло бы быть, но не случилось, кажется даже, что и было, но как-то так неясно, размыто и неопределенно. Причем сейчас он уже ясно понимал, что не хотел этой ясности и определенности, не хотел завершенности, всегда грозящей длинными и, в общем-то, бессмысленными разговорами, попытками примириться и все начать сначала, начать то, что уже себя безвозвратно исчерпало. И это при том, что оба уже знали – будущего просто нет и быть не может.

...

– Почему ты мне ничего не говоришь?

– Разве?

– Если и говоришь, то почему я этого не слышу?

– Действительно?

– Ты хочешь сказать, что у меня что-то со слухом?

– Ну вот видишь. А ты спрашиваешь почему я ничего не говорю? Я же спрашиваю...

...

– Нет, это я спрашиваю.

– Но я же отвечаю.

– Странно. Мне казалось, что говорить, спрашивать и рассказывать это три разные вещи.

– Возможно. Об этом стоит подумать.

– Может быть подумаем вместе?

– Почему бы и нет?!

– Вот и договорились. Давая вечером все и обсудим.

– Согласен.

...

И когда они успели научиться так разговаривать?! Ему казалось, что лучше всего они разговаривали молча. Или нет. Нет, да, лучше всего было тогда, когда они занимались любовью. Впрочем, когда они последний раз занимались любовью? Да и было ли это любовью? Уже трудно сказать. Наверное, тогда это они так и называли. Друг для друга. А вот как они это называли для самих себя? Надо вспомнить.

Да было что-то, но скорее, конечно, не любовь и не страсть. Как, то, что было, не называй, не может стать тем, о чем мечталось, а потом хотелось, и что незаметно, как-то само собой, плавно, перешло во что-то иллюзорно-недостижимое, превратившись в смешные и нелепые телодвижения. Да первый, второй и энный раз были вопросы – ну как ты?, тебе понравилось?, тебе было хорошо? И вот это, самое нелепое, что могло быть в этот момент – спасибо. Он не знал, что сказать, что ответить и в первые мгновения лихорадочно ис-

кал ответа. Так и не найдя, просто молчал. А все испытанное как-то тихо и беспомощно тонуло в этом молчании.

Затем они оба привыкли к этому молчанию. И уже не было никаких слов. А что же было? Вот только сейчас он подумал об этом, усиленно пытаясь вспомнить – что было? Не было ничего. Ему удалось вспомнить только то, что однажды прозвучал вопрос:

– А что будет потом?

Тогда он не ответил. Да и отнесся к вопросу как-то в полусне. Почти не услышав его. Тогда он даже подумал, прежде чем упасть в этот сон – что это? Вопрос? Или нет? Может быть ему послышалось? И никакого вопроса вовсе не было? Или это он сам себя спросил?

...

Вот сейчас, вдруг с необычной ясностью ощутив свою влюбленность, она, сквозь радость и глупую улыбку по неволе появившуюся у нее на лице, испугалась. Странно. Но она никогда прежде не видела такой своей улыбки. Но зато она видела ее сейчас, в темноте ноябрьской ночи и ничего не могла с собой сделать.

– Глупость какая. Зачем мне все это. Неужели все вновь?

И что будет потом? Вот. В который уже раз к ней возвращаются вопросы, когда-то и кем-то ей заданные. Как напоминание, а может быть и как мечь. Вопросы, от которых она пыталась избавиться не из-за их опасности или неопределенности. Она просто знала ответы на них. Слишком точно и

определенно.

...

Их одновременно поразила какая-то, вдруг так ясно и открыто проявившаяся, беспомощность и беззащитность. Стало жалко и себя и, главное, того, что было и ушло. Они знали, потом нет, потом – это когда в...прошлом.

«Весна»

Правда ли, что мы противостоям себе? А может быть мы противостоям тому, что и есть подлинное «Я»? И тогда зачем все это?

Нулевая вероятность

Жизнь теперь все больше и больше замолкает вокруг меня. Почему-то иногда звуки, которые вообще не слышны, вдруг возникают из шума, который мы называем тишиной.

...

Есть события, которые обязательно произойдут. И только время, отделяющее нас от этих событий, делает их возникновение менее вероятными, и нам кажется, что что-то как будто может произойти, но все никак не происходит. Мы устаем ждать, и они как раз и случаются.

...

Это сейчас мне кажется, что не могло не произойти того дня, когда он встал, накинул на себя куртку, и пошел, чтобы кого-то встретить. Мы все уже знали эту процедуру встречи, означавшую, что к нам пришел новый человек, тот, кто будет делать все тоже, что и мы, довольно непонятную, весьма скучную и однообразную работу, явно несоответствующую претензиям каждого из нас.

Ты, конечно, помнишь, что в этой светлой, а это, пожалуй, было единственным ее достоинством, комнате, собралась самая разношерстная публика, и каждый из ее представителей был достаточно яркой, по-своему, индивидуальностью. И все странным образом соединились тут, заполнять какие-то карточки, когда одни считали себя достойными большего, дру-

гие просто отсиживали свой срок и были рады этому приюту, третьи попали волей случая и т.д., и т.п.

... почему мы запоминаем этот день – день встречи? Он ничем не примечателен. День как день. И все же. Правда это все приходит потом, после. И вот тогда, в будущем, окажется, что все было какое-то особенное, и мимолетный запах, и взгляд, и выражение глаз, улыбка, движение... Но, возможно, самое главное твое собственное состояние, вызванное чем-то не объяснимым и тогда казавшимся совершенно неважным.

Среди тех, кто тогда оказался рядом с тобой, был и я, движимый, как и все остальные, мгновенным любопытством – новый человек, кто он? Иного и быть не могло. Среди серых, однообразных дней любое новое было событием, хотя бы как-то разнообразящим происходящее существование. Как и все, я что-то ждал, как потом оказалось знака будущего изменения, шанса на удачу будущего, которого уже не было.

Конечно это было глупо. Шанс, знак, предвкушение... Полная чушь по сравнению с реальностью того, что произошло и реальностью, в которую я сам себя поместил по собственному желанию. Честно говоря, тогда я ничего не хотел, а просто переживал ощущение счастья открывшейся свободы и независимости. Я принял решение и осуществил его, сразу избавившись от прошлой жизни, которая также была результатом моих собственных предыдущих решений. Но как же было здорово вновь быть свободным.

Вот это-то и отличает тогдашний день от дня нынешнего. Конечно, не только это. Но это самое важное. Тогда было настоящее и не было прошлого, которое казалось уже не твоим, а чьим-то чужим и потому, наверное, было всего лишь фоном, ничем не сдерживающим и ничему не мешающему. А сейчас нет будущего, а есть прошлое, которое уже невозможно забыть. Да и если забудешь, то вообще ничего не останется.

Сейчас я понимаю и то, что эта встреча была обречена на анализ, который уже тогда стал частью меня, моего отношения к каждому другому и этого каждого другого, которого я уже тогда не мог воспринимать просто как данность. Так, на веру, что-то принять я не мог. Я пытался докопаться до истины, а в результате «докапывался» до человека, который уже с трудом мог меня выносить. Уже тогда я не верил в очевидность, которая убеждает – я истина, принимай меня, верь мне. Верить хотелось, но не хотелось платить за нее. Тем, что казавшимся ясным, четким и таким прозрачным путем, на самом деле оказывался заурядным и очередным заблуждением.

...

... а тогда он «привел» молодую девушку-женщину, вначале показавшуюся... странной. Ее лицо было нездешним. Я тогда никак не мог понять этой странности, которая, скорее всего, была странностью моего восприятия. Лицо было знакомое, но совершенно непонятное – откуда и как оно сю-

да попало. Нет, не именно в эту комнату и не в наше «бого-
угодное заведение», а в этот окружающий меня мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.